

Е.В. СИРОТКИНА, М.А. ЗАВАДСКАЯ*

**КОГДА ВЛАСТЬ НЕСЕТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС: ИССЛЕДОВАНИЕ
АТРИБУЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЛАСТИ
В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ¹**

Аннотация. Вопросы политической подотчетности составляют ядро большинства исследований в области качества управления, электоральной и партийной политики и политических бизнес-циклов. До недавнего времени исследователи мало уделяли внимания тому, как именно избиратели приписывают ответственность за последствия проводимых политических курсов. Статья представляет собой обзор исследований механизмов атрибуции ответственности как психологического и политического феномена в сравнительной перспективе и предлагает анализ их применимости к современной российской политической действительности.

Ключевые слова: атрибуция политической ответственности; подотчетность; выборы; экономический кризис.

* **Сироткина Елена Викторовна**, магистр, ассоциированный научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований (ЛССИ) Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), e-mail: sirotkina.elena@gmail.com; **Завадская Маргарита Андреевна**, магистр, старший преподаватель Европейского университета в Санкт-Петербурге (ЕУСПб), старший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований (ЛССИ) Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: mzavadskaya@eu.spb.ru, mzavadskaya@hse.ru;

Sirotkina Elena, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: sirotkina.elena@gmail.com; **Zavadskaya Margarita**, European university at Saint-Petersburg, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: mzavadskaya@eu.spb.ru, mzavadskaya@hse.ru.

¹Статья написана в рамках исследования «"Политика в тяжелые времена": методы обеспечения политической легитимности власти в России» при поддержке гранта РГНФ № 16-33-01049 а2.

E.V. Sirotkina, M.A. Zavadsкая

When the power is held responsible for economic crises: studies of responsibility attribution to the power in comparative perspective

Abstract. Political accountability and responsiveness constitute the core of most studies in the realms of quality of governance, political business cycles, electoral and party politics.

This article addresses *the mechanisms* how voters attribute political responsibility given the variety of mediating variables. Authors seek to provide the readership with an overview of contemporary discussions and methods of assessing various mechanisms of how precisely voters blame their governments. The article proceeds as follows: general overview of basic theoretical models and their evolution, potential for generalizations and limits, and applicability to the Russian case.

Keywords: attribution of political responsibility; accountability; elections; economic crisis.

Введение

Вопросы политической подотчетности (*accountability*) и отзывчивости (*responsiveness*) власти к запросам граждан составляют ядро большинства исследований в области качества управления (*good governance*), электоральной и партийной политики и политических бизнес-циклов (*PBCs*). Долгое время в политической науке с переменным успехом доминировала экономическая модель голосования, утверждающая, что избиратели реагируют на экономические изменения и затем наказывают или вознаграждают правительство через электоральную поддержку [Downs, 1957; Fiorina, 1981]. Однако избиратели могут неодинаково реагировать на те или иные экономические стимулы в зависимости от целого ряда факторов начиная от социально-экономического положения, субъективного ощущения экономического благополучия и заканчивая конъюнктурным влиянием посредников, например СМИ. Вплоть до недавнего времени исследователи мало уделяли внимания тому, как именно избиратели приписывают ответственность за те или иные последствия проводимых политических курсов, какие существуют модели атрибуции ответственности и как они работают.

Классические экономические модели голосования исходят из нескольких посылок, правдоподобность которых вызывает сомнения у ряда современных исследователей: 1) избиратель кор-

ректно понимает работу политических институтов и знает, кто и за что отвечает, 2) избиратель одинаково оценивает различные политические силы, 3) избиратель обладает всей полнотой информации для принятия решений. Правомерность этих утверждений ставит под сомнение ряд вопросов, например: влияет ли сложность институционального дизайна на атрибуцию ответственности? Каков вклад политических ориентаций и воздействия СМИ? Статья представляет собой обзор исследований механизмов атрибуции политической ответственности в сравнительной политологии и подходов подобного рода анализа к современной российской политической действительности. Статья состоит из трех частей, в которых представлены общие подходы к изучению атрибуции ответственности, современные дискуссии о моделях ответственности и их универсальности, а также особенности применения данных моделей к объяснению специфической и системной поддержки режима в России.

Понятие атрибуции ответственности: Обзор подходов

Исследования атрибуции ответственности апеллируют в основном к двум исследовательским традициям: психологической, которая занимается изучением когнитивных механизмов формирования атрибуции [Fischhoff, 1975], и политологической традиции, которая рассматривает атрибуцию ответственности преимущественно с точки зрения того, как люди реагируют на политику власти.

Вопрос формирования атрибуции ответственности значительно исследован психологами. основополагающая работа Фишхоффа [Fischhoff, 1975] обобщает ключевые развилки в теории атрибуции. Исследователь обращает внимание на важность различения процесса самой атрибуции или «приписывания» (attribution) и «умения правильно разбираться» (judgment). Первое предполагает определение и оценку действия субъекта на основе имеющейся информации, с чем большинство людей справляется относительно успешно [Kelley, 1973]; второе предполагает выявление причинно-следственных связей, что требует гораздо более сложных когнитивных ресурсов – с чем большинство людей, наоборот, не справляются и допускают ошибки [Slovic, Lichtenstein,

1971]. Ученые объясняют столь разительные отличия в умении успешно совершать первое и неуспешно – второе тем, что люди, как правило, могут хорошо объяснять события (т.е. «приписывать» *post factum*), но плохо предсказывать (т.е. «правильно разбираться») [Fischhoff, 1975]. Предсказание требует очень высокого уровня понимания контекста события, что, безусловно, тоже связано с «приписыванием», но «приписывание» не предполагает верификацию (т.е. объяснение как таковое самодостаточно и не требует дополнительных действий), в то время как «умение правильно разбираться» проецируется на событие в будущем, которое либо совпадает с его описанием до наступления, либо нет, что и является верификацией прогноза [Fischhoff, 1975].

Поиску правильной атрибуции часто препятствует искажение в восприятии информации вследствие естественной субъективности и конъюнктурных предубеждений. Будучи непосредственным участником события, человек реже беспристрастно оценивает позитивные и негативные события, связанные с его участием, и под влиянием «эффекта поведенческой конформации» (*self-serving bias*) приукрашивает свои успехи, в то время как неудачи склонен списывать на обстоятельства и других людей [Miller, Ross, 1975; Zuckerman, 1979; Jones, Nisbett, 1972, p. 80]. Искажение в восприятии в зависимости от того, является ли человек наблюдателем или участником события, описывается феноменом так называемой фундаментальной ошибки атрибуции (*the fundamental attribution error*) [Ross 1977; Jones, Harris, 1967]. Искажения в атрибутировании причин события может рождать специфическое окружение: поддержка большинством «неправильного» атрибутирования [Goethals, 1976; Kelley, 1967, p. 201–202] или уверенным меньшинством [Nemeth, Swedlund, Kanki, 1974], что по-разному влияет на готовность субъекта согласиться с тем или иным мнением и в ряде случаев приводит к конформному соглашению и искажению атрибуции.

В политической науке формы атрибуции ответственности в большей степени исследуются через влияние факторов, характеризующих политическое устройство общества, личные политические предпочтения людей, т.е. средовые, а не когнитивные или мотивационные стимулы [Nisbett, Ross, 1980]. Очевидно, что формы выражения атрибуции ответственности в демократиях будут значительно отличаться от форм атрибуции ответственности в недемократиях. Политическое устройство демократий предполагает ряд механиз-

мов, позволяющих «наказать» действующее правительство за непопулярные меры или, наоборот, «похвалить» его за успешную политику [Downs, 1957; Fiorina, 1971; Nordhouse, 1977; см. также обзор в: Drazen, 2000]. Основным механизмом «обратной связи» в демократиях являются регулярные выборы, которые становятся «инструментами демократии» [Powell, 2000]. В автократиях, в условиях, когда выборы в большинстве случаев не являются средством давления на власть и ротации элит, а призваны решать иные задачи [Gandhi, Lust-Okar, 2009, Malesky, Schuler, 2010], атрибуция ответственности, «наказание» власти за тот или иной политической курс если и происходит публично, то чаще всего через акты гражданского неповиновения: восстания, революции, протесты [Хантингтон, 2004]. Механизм атрибуции политической ответственности в условиях авторитарных режимов представляет отдельную тему для исследований. Наиболее часто исследователи атрибуции ответственности в автократиях фокусируются на изучении фреймирующего воздействия СМИ на восприятие новостных сообщений [Truex 2014; Baum, Gussin, 2007], влиянии экономического кризиса на поддержку власти и президента [Rose, Munro, Mishler, 2004; Treisman, 2011], влиянии внешнеполитических конфликтов на поддержку президента [Mueller, 1970]. Таким образом, прослеживается несколько тематических узлов и дискуссий в литературе, с которыми так или иначе пересекается проблема атрибуции политической ответственности: феномен «единения вокруг знамени» (*rally round the flag*) и его взаимодействие с моделями экономического голосования, воздействие экономических кризисов на системную и специфическую поддержку в контексте электорального авторитаризма и динамики политического режима в целом, и, наконец, опосредующая роль СМИ в механизмах атрибуции политической ответственности (в более бытовой версии – «битва холодильника с телевизором»).

Винить или не винить власть:

За что граждане «наказывают» правящие элиты?

Чаще всего граждане наказывают власть за плохой политический или экономический курс. Известная модель Кея [Key, 1966] о вознаграждении и наказании (*reward-punishment theory*) показы-

вает, что избиратели могут наказать действующую власть за плохую политику, не проголосовав за нее на последующих выборах. Так выборы становятся своеобразным референдумом по доверию экономическому курсу, принятому в прошлом, а избиратели выражают готовность или несогласие следовать этому курсу в будущем [Kuklinski, West, 1981; Fiorina, 1981].

Более поздние исследователи скептически относятся к тому, что атрибуция ответственности происходит автоматически по принципу «кто был у власти – тот и виноват», и говорят о том, что механизм атрибуции зависит от множества других факторов, фреймирующих выбор ответственного, опосредующих логику и степень осуждения. Так, например, Хоболт и др. [Hobolt, Tilley, 2013], используя инструментарий опросных экспериментов, исследуют, как атрибуция ответственности за разные сферы распределяется между национальными и наднациональными институтами и приходят к выводу о том, что еврооптимисты склонны записывать улучшения на счет ЕС, в то время как евроскептики, наоборот, не видят связи между улучшением и работой ЕС. Избиратели могут также винить власти разного уровня внутри страны за провалы в их функциональной сфере [Arceneaux, 2006]. Так, в проблемах местного уровня избиратели винят местную власть, а за проблемы национального уровня наказывают правительство и президента.

Множество исследований доказывают влияние идеологических воззрений или «партийности» на атрибуцию ответственности [например, Evans, Andersen, 2006; Gerber, Huber, 2009; Gomez, Wilson, 2008; Tilley, Hobolt, 2011]. Гербер и Хьюбер [Gerber, Huber, 2009] показывают, что приверженность той или иной партии может значительно исказить оценку и вектор атрибуции. Исследователи говорят о так называемой модели «избирательного оценивания» (selective evaluation model), когда сторонники партии предпочитают не замечать ее провалов и, наоборот, исключительно придирчиво оценивать действия оппозиции (см. рисунок). Соответствующая этому модель «избирательной атрибуции» (selective attribution model) подтверждает склонность избирателей записывать положительные изменения на счет партии, которую они поддерживают, а негативные изменения приписывать партиям-противникам [Pettigrew, 1979; Rudolph, 2003]. Неготовность заметить заслуги партии-оппонента в обоих случаях говорит о смещении в атрибуции ответственности, определяемой партийными предпочтениями.

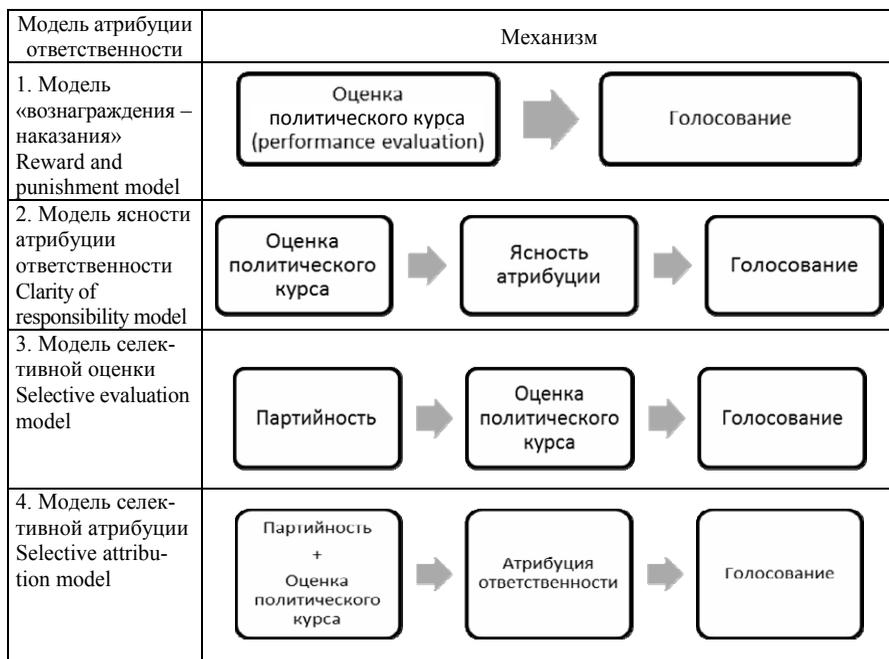

Рис.

Модели атрибуции ответственности

Источник: [Hobolt, Tilley, 2013].

Можно предположить, что на качество суждения об атрибуции ответственности влияет уровень осведомленности человека. По крайней мере такое предположение логично следует из работы Шейвера [Shaver, 1985]: Большая осведомленность о политике и деятельности партии формирует у человека более системный взгляд на события и позволяет более точно проследивать причинно-следственные связи. Однако множество работ свидетельствует об обратном: субъективная оценка сторонников партии не изменяется с появлением более полной информации, например доказывающей ошибочность курса этой партии. Это обстоятельство объясняется тем, что партийная принадлежность формирует так называемое мотивированное суждение (motivated reasoning) о деятельности партии, построенное преимущественно на априорных устойчивых убеждениях [Lyons, Jaeger, 2014]. Авторы на основе эксперимента выяснили, что сторонники определенной точки зрения пользуются эффектом мотивированного суждения и эксперт-

ным мнением в основном для борьбы с противоположной точкой зрения и усиления собственной. Основное объяснение данного феномена: политическая принадлежность является своеобразным «экраном», с помощью которого индивиды экономят на обработке информации¹. «Мотивированное рассуждение» в отличие от полностью рационального использует модели, содержащиеся в определенной политической картине мира. Сторонники имеют тенденцию отбирать источники и факты, которые усиливают их позицию, ослабляя противника [Taber, Cann, Kucsova, 2009].

Успех или провал во внешней политике также способны повлиять на оценку политического курса власти. Первым этот эффект обнаружил Джон Мюллер [Mueller, 1970], заметив, что во время острых внешнеполитических конфликтов критика внутренней политики снижается, а люди склонны к единению вокруг лидера или «знамени» (*rally round the flag effect*). С точки зрения теории коллективного действия эффект запускается благодаря созданию образа лидера – «защитника нации» [Galtung, Rove, 1967]. Фактически виртуальное единство нации (воображаемые сообщества Бенедикта Андерсона [Андерсон, 2001]) в некоторых случаях затмевает кризисные явления в экономике [Sigelman, Conover, 1981; Treisman, 2011].

Лидеры или правительства могут успешно использовать этот эффект для поднятия собственного рейтинга в период кризиса. Более поздние работы, однако, обращали внимание на то, что «синдром» объединения вокруг знамени возникает не во всех случаях участия страны во внешнеполитическом конфликте. Триггерами этого эффекта являются: единство элит в положительной оценке конфликта и роли лидера в нем [Brody, 1991], когда лидер государства воспринимается как безоговорочный лидер мнений по наиболее острой теме, острота которой поддерживается за счет циркуляции новостей в СМИ и пропаганды [Zaller, 1992]. В таких случаях рост поддержки лидера особенно заметен, если следует за спадом, например, вследствие кризиса во внутренней политике [Baker, Oneal, 2001].

Наконец, граждане могут наказывать власть за последствия природных бедствий, которые не имеют прямого отношения к эффективности власти. Эбни и Хилл [Abney, Hill, 1966] были одними из первых, кто заметил взаимосвязь между последствиями от природной катастрофы (ущербом от урагана) и распределением голо-

сов на выборах. Далее эта тема получила отдельное развитие: например, Ахен и Бартельс [Achen, Bartels, 2004] обнаружили, что избиратели в целом склонны иррационально наказывать власть разного уровня [Malhotra, Kuo, 2008] за катастрофы любого происхождения. В этом контексте любопытно, что работа Лазарева и др. [Trial by fire... 2014] доказывает эту самую нерациональность. В российских регионах избиратели, наоборот, после серии пожаров продемонстрировали более высокую поддержку власти в тех регионах, где ряд деревень был уничтожен пожаром, по сравнению с регионами, в которых катастрофы не произошло. Это дает основание предполагать, что в автократиях со значительной асимметрией в распространении информации и оценках власти не работает принцип делегитимации власти через природное бедствие.

Специфика атрибуции ответственности в России

Особую актуальность данное направление исследований приобретает в контексте экономических кризисов различной природы – гиперинфляция, резкое падение курса национальной валюты, фискальный, кредитный и долговой кризисы. Динамика взаимодействия правительств и населения в кризисный период, как ни странно, является той темой, где до сих пор многие механизмы остались малоизученными. Следуя за классическими работами О’Доннела [O’Donnell, 1973], который доказывает связь между кризисом и распадом демократий в Бразилии и Аргентине, и Линца [Linz, 1978], исследования которого концентрировались на выяснении влияния кризиса на вероятность авторитарных переворотов или демократических транзитов, Гасиоровский [Gasiorowski, 1995], подводя итоги этой волны исследований, находит сильную зависимость между демократическими провалами, с одной стороны, и высокой инфляцией и медленным или негативным экономическим ростом – с другой. В то же время, вслед за Реммер [Remmer, 1991], Гасиоровский обнаружил, что кризис может способствовать переходу к демократии [Gasiorowski, 1995, p. 892]. Тем не менее дальнейшие исследования показали, что вероятность режимных трансформаций зависит и от ответной реакции правящей элиты, в первую очередь их коалиционных стратегий [Pepinsky, 2011].

Политэкономическая литература в первую очередь связывает кризис и переходы в терминах перераспределения ресурсов, коалиций и расколов элит (elite defections) [Acemoglu, Robinson, 2006; Pepinsky, 2009; Haggard, Kaufman, 2012]. В то же время, как в современных демократиях, так и в гибридных и авторитарных режимах массовая политика играет важную роль: во-первых, голосование и другие формы массового участия являются нормой и с некоторой регулярностью приводят к смене правительства, в последних избиратели играют важную роль также, поскольку там правительства сталкиваются, по выражению Шедлера, с «двойной неопределенностью» – институциональной и информационной [Schedler, 2013], которая только возрастает в период экономического кризиса. В режимах, определяемых как «электоральный авторитаризм», выборы лишь частично выполняют функции сигнальной системы, предупреждающей о непопулярности политического курса или политиков / партий. В таком режиме инкубенты прибегают к разнообразным инструментам снижения неопределенности: репрессиям, цензуре, фальсификациям [Schedler, 2013] и кооптации [Tanneberg, Stefes, Merkel, 2013; Reuter, Robertson, 2013]. Однако вопрос об эффективности этих инструментов для переатрибуции ответственности за кризис остается открытым, равно как и сами механизмы атрибуции на индивидуальном и групповом уровнях.

За новейшую историю Россия пережила несколько циклов экономических кризисов. Наиболее тяжелый кризис финансовой (валютной) и банковской системы (twin crisis) произошел в 1998 г., затем волна мирового кризиса (так называемая Великая рецессия) 2008–2009 гг. докатилась до России и поразила промышленный сектор [Pepinsky, 2012; Рогов, 2010]. Наконец, в 2011–2012 гг. начались признаки стагнации и ползучей рецессии, связанной с дисбалансами внутри российской экономики. Как эти кризисы повлияли на динамику политических и электоральных предпочтений?

Вслед за Трейсманом и Шлейфером [Treisman, Shleifer, 2005], многие исследователи продолжают задаваться вопросом, является ли Россия *нормальной* страной и живет ли она по тем же законам, что и развитые демократии, где на выборах граждане могут наказывать власть за неуспешную политику. Исследования реакции россиян на экономические вызовы привели к противоречивым результатам. Макалистер и Уайт считают, что кризис 2008–2009 гг. в России практически не повлиял на популярность

В. Путина и Д. Медведева. «Социотропная экономическая оценка» (ретроспективная оценка экономики) позитивно сказывается на представлении о демократическом развитии страны и одобрении В. Путина, а экономический кризис лишь ограниченно воздействует на уровень поддержки режима: «В России, напротив (по отношению к тому, что произошло в установившихся демократиях в 2008–2009 гг.), Путину удалось удержать высокий уровень собственной популярности, и наши результаты показывают, что он в целом избежал ответственности за тот кризис»¹ [McAllister, White, 2011, p. 493]. Напротив, исследования Чейсти и Уайтфилд демонстрируют значительное воздействие финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. на установки россиян, в особенности тех, кого кризис затронул: «Учитывая то, что россияне располагали ограниченным политическим выбором и выразили глубокую способность адаптироваться к суровым экономическим кризисам, это отнюдь не означает, что экономический кризис не оставил никаких шрамов»² [Chaisty, Whitefield, 2012, p. 201]. Наконец, Трейсман, анализируя динамику президентских рейтингов, приходит к выводу, что россияне все же оценивают деятельность политических лидеров, основываясь на объективных экономических индикаторах, а не харизме или иных культурных особенностях [Treisman, 2011].

Примечательно, что авторы, опирающиеся на отличающиеся данные и разные методы, приходят к весьма противоречивым результатам. Основной источник данных – это массовые опросы и рейтинги поддержки Левада-центра, ВЦИОМ, New Russia Barometer, а также временные ряды основных экономических показателей – заработная плата, уровень инфляции и безработицы. Одним из методологических новшеств является все более активное использование квазиэкспериментальных дизайнов, где источник рандомизации, т.е. деление на экспериментальную и контрольную группы, это внешний источник – природное явление или иной экзогенный фактор [см.: Achen, Bartels, 2004, Trial by fire... 2011, Scherbak, Sokolov, 2015]. Альтернативой является использование опросных экспериментов, где воздействием (treatment) является включение случайным образом тех или иных чувствительных вопросов, кото-

¹ Перевод авт.

² Перевод авт.

рые потенциально могут повлиять на то, как респондент отвечает на другие вопросы анкеты.

Помимо экономического голосования сдвиги в электоральной поддержке кандидатов могут объясняться иными факторами. Культура может объяснять вариацию в поддержке в краткосрочной перспективе, при этом фиксируемые культурные сдвиги, скорее, говорят не об изменении ценностей, на что требуется гораздо более длительная перспектива [Putnam, 1993], а об изменении публичной оценки поведения лидера, которая интерпретируется через культурные сдвиги [Mishler, Willerton, 2003]. В качестве примера авторы приводят образ Б. Ельцина, которого избиратели в начале президентства воспринимали как типичного сильного лидера, олицетворявшего новые демократические силы. Последовавшие неудачи в чеченской кампании, частая смена правительства и советников, особенности характера, не сочетавшиеся с образом сильного лидера, постепенно свели его рейтинг на нет [Treisman, 2011].

Тилли и Хоболт с помощью экспериментальных опросов также демонстрируют обуславливающее воздействие политической принадлежности на оценку экономической политики и атрибуцию ответственности. Они тестируют два механизма – «избирательная оценка» и «избирательная ответственность», которые помогают разрешить противоречия между взглядами и эмпирической реальностью и предполагают, что и оценка, и атрибуция ответственности обусловлены политической принадлежностью индивида к правительственному или оппозиционному лагерям. Однако, как указывают сами авторы, так как эксперимент основан на опросах в Британии, где Вестминстерская система обеспечивает относительную ясность в распределении ответственности за политический курс, совершенно не очевидно, что эти механизмы будут так же работать в системах с нечеткими границами полномочий [Tilley, Hobolt, 2011].

Какие модели атрибуции ответственности работают в России? Во-первых, начиная с первой половины 2000-х годов Россия планомерно приобретала все больше и больше черт сначала гибридного, а затем авторитарного режима. Сегодня результаты выборов все в меньшей степени показывают реальную поддержку избирателей и все в большей отражают эффективность работы авторитарных практик по обеспечению фасада свободных и честных выборов. Перед исследователями эти искажения ставят непростую

задачу. Им все сложнее определить, в какой степени динамику в поддержке партии или президента стоит отнести на счет успешности или неуспешности политического курса и какова доля фальсификаций в этих результатах. И если данные значительно искажены, насколько правомерно на них опираться, проверяя гипотезу о релевантности экономического голосования для России. Во-вторых, пропаганда в автократиях работает на создание иллюзии успешности лидера, а значит, использует сознательные искажения фактов и манипулирует общественным мнением. В этой же логике власть использует так называемые «формирующие опросы», когда результаты общественного мнения, преимущественно об одобрении политического курса лидера страны, правительство использует для легитимации режима [Treisman, 1996]. В-третьих, атрибуцию ответственности могут исказить внешние факторы. Для стимулирования эффекта «единения вокруг знамени» правительство может инициировать военные операции и под предлогом борьбы с внешней угрозой повысить уровень собственной популярности [Mansfield, Snyder, 1995]. Например, исследователи относят к такому типу внешних конфликтов России обе чеченские войны [Treisman, 2008], конфликт в Украине и присоединение Крыма [Четвертных, 2015].

Вопрос, насколько модели атрибуции ответственности за «плохую экономику» применимы для анализа российской политики сегодня, остается открытым. Ключевые работы по этой проблеме, упомянутые выше, с одной стороны, Д. Трейсмана [Treisman, 2011] и с другой – Р. Роуза, М. Мунро и В. Мишлера [Rose, Munro, Mishler, 2004] и Р. Роуза [Rose, 2011], в наиболее обобщенном виде приходят к противоречивым выводам. Д. Трейсман считает, что россияне наказывают власть за экономический кризис, что выражается в более низком рейтинге доверия президенту в период экономического спада. Исследователь проанализировал президентство и Б. Ельцина, и В. Путина и на основе анализа временных рядов пришел к выводу, что рейтинг президентов колебался в зависимости от индивидуального восприятия гражданами экономической ситуации в стране и динамики личного экономического благосостояния. Р. Роуз и коллеги, наоборот, показывают на данных опроса 2010 г. (призванного установить эффект от экономического кризиса 2008 г.), что россияне не чувствуют экономического спада, их личное благосостояние не ухудшается и они не винят в этом власть. Примечательно, что обозначенное выше противоречие ка-

жется таковым только на первый взгляд. Обратим внимание, что Д. Трейсман в качестве объясняющих переменных использовал динамику в оценке экономической ситуации в стране и дельту уровня поддержки президента в качестве зависимой переменной, т.е. исследовал, насколько колебания объясняющей переменной ассоциируются с колебаниями объясняемой. Р. Роуз и коллеги использовали стационарные данные и установили, что в данной конкретной точке атрибуции ответственности не происходит, потому что россияне не заметили кризис. Они обратили внимание на то, что на росте поддержки курса В. Путина сказывается социотропная оценка экономического благосостояния («Экономика России улучшилась»), а на увеличение поддержки правительства влияет эгоцентрическая оценка («Мое личное экономическое состояние улучшилось»).

Более подробный анализ исследовательских дизайнов этих двух подходов позволяет сделать важные выводы для последующих исследований атрибуции ответственности за кризис в России. Во-первых, анализ динамики поддержки и поддержки в данный конкретный момент показывает разные результаты. Для второго подхода предваряющим должно быть доказательство того, что россияне ощущают кризис в принципе, перед тем как устанавливать, влияет ли кризис на поддержку власти. Во-вторых, важным представляется разделять ощущение кризиса в стране в целом и ощущение персональных экономических издержек от ухудшения экономической конъюнктуры. Как показали Р. Роуз и коллеги, социотропный и эгоцентрический подходы к оценке кризиса в значительной степени определяют эту оценку, т.е. необходимо делать принципиальное разделение между двумя этими взглядами и исходя из этого определять, что мы берем за условное «влияние экономического кризиса» – личное ощущение себя или личное ощущение страны в целом. И последнее, как показывает обширная литература по психологическим механизмам формирования оценки, ответственности, конструирования причинно-следственных связей, важную роль в этом процессе играют посредники. Именно они в какой-то степени определяют вариацию в ответах на социотропные и эгоцентрические вопросы об экономике. Наиболее значимым и влиятельным посредником являются СМИ. Вероятно, учет фактора СМИ (и других посредников) в дальнейших исследованиях формирования атрибуции ответственности в России позволит уста-

новить более точную взаимосвязь между оценкой экономики и оценкой власти, позволит объяснить вариацию между разными точками зрения на состояние экономики и будет способствовать расширению нашего знания о роли средовых факторов в атрибуции ответственности власти за кризис.

* * *

Свидетельствуют ли наблюдаемые тенденции об «иррациональности» российского избирателя и необходимости констатировать несостоятельность классических моделей экономического голосования в российском контексте? Или же аномально высокая поддержка является следствием феномена «единения вокруг знамени»? Если так, то насколько длителен подобный эффект? Применима ли модель селективного санкционирования Тилли и Хобболт, которая говорит о значимости политических предпочтений в выборе, кого именно винить, но которая также говорит о слабости влияния политических предпочтений на то, как оценивать эффективность того или иного курса?

Таким образом, российский случай открывает возможности для исследования таких вопросов, как эффект феномена «единения вокруг знамени» на атрибуцию ответственности (селективное санкционирование и оценку), роль средств массовой информации как в формировании того самого «экрана», с помощью которого избиратель считывает информацию об экономическом кризисе, так и оказывающего иное влияние на способность идентифицировать компетентные и ответственные структуры за проводимый политический курс. Несмотря на кажущуюся очевидность ответов на эти вопросы, механизмы атрибуции политической ответственности с не меньшей очевидностью требуют дальнейших эмпирических подтверждений.

Список литературы

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. – 288 с.
- Рогов К. Гипотеза третьего цикла // Pro et Contra. «Россия 2020». – М., 2010. – Т. 14, № 4–5. – С. 6–22.

- Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
- Abney F.G., Hill L.B. Natural disasters as a political variable: The effect of a
Acemoglu D., Robinson J.A. Economic origins of dictatorship and democracy. – N.Y.:
Cambridge univ. press, 2006. – 434 p.
- Achen C.H., Bartels L.M. Blind retrospection. Electoral responses to drought, flu, and
shark attacks: Paper delivered at the Center for Advanced Study in the Social Sciences,
Juan March Institute, on 7 May 2003. – Princeton, New Jersey. – Mode of access:
[http://www.ib.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/international-relationships-
dam/Teaching/pwgrundlagenopenaccess/Weitere/AchenBartels.pdf](http://www.ib.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/international-relationships-dam/Teaching/pwgrundlagenopenaccess/Weitere/AchenBartels.pdf) (Дата посещения:
4.07.2016.)
- Arceneaux K. The federal face of voting: Are Elected officials held accountable for the
functions relevant to their office? // Political psychology. – Malden, 2006. –Vol. 27. –
P. 731–754.
- Baker W.D., Oneal J.R. Patriotism or opinion leadership? The nature and origins of the
«rally 'round the flag» effect // Journal of conflict resolution. – Thousand Oaks, 2001. –
Vol. 45. – P. 587–661.
- Baum M.A., Gussin Ph. In the eye of the beholder: How Information shortcuts shape
individual perceptions of bias in the media // Quarterly Journal of political science. –
Delft, 2007. – N 3. – P. 1–31.
- Brody R. Assessing presidential character: The media, elite opinion, and public support. –
Stanford: Stanford univ. press, 1991.
- Chaisty P., Whitefield S. The Effects of the Global Financial Crisis on Russian Political
Attitudes // Post-Soviet affairs. – L., 2012. – Vol. 28, N 2. – P. 187–208.
- Downs A. An economic theory of democracy. – N.Y.: Harper, 1957. – 310 p.
- Drazen A. The political business cycle after 25 years // NBER macroeconomics annual
review. – Boston: MIT Press, 2000. – Vol. 15. – P. 75–138.
- Evans G., Andersen R. The political conditioning of economic perceptions // Journal of
politics. – Chicago, 2006. – P. 194–207.
- Fiorina M.P. Retrospective voting in American national elections. – New Haven: Yale
univ. press, 1981. – 249 p.
- Fischhoff B. Hindsight: Thinking backward? // Psychology today. – N.Y., 1975. – Vol. 8. –
P. 70–76.
- Gandhi, J., Lust-Okar E. Elections under authoritarianism // Annual review of political
science. – Palo Alto, CA, 2009. – Vol. 12. – P. 403–422.
- Gasiorowski M.J. Economic crisis and political regime change: An event history analysis //
American political science review. – Palo Alto, 1995. – Vol. 89. – P. 882–897.
- Gerber A.S., Huber G.A. Partisanship and economic behavior: Do partisan differences in
economic forecasts predict real economic behavior? // American political science re-
view. – Palo Alto, 2009. – Vol. 103. – P. 407–426.
- Goethals G.R. An attributional analysis of some social influence phenomena // New
directions in attribution research. – Lawrence Erlbaum Hillsdale, NJ, 1976. – Vol. 1. –
P. 291–310.
- Gomez B.T., Wilson. J.M. Political Sophistication and attributions of blame in the wake of
hurricane Katrina // Publius. – Oxford, 2008. – Vol. 38. – P. 633–650.

- Haggard S., Kaufman R.R.* Inequality and regime change: Democratic transitions and the stability of democratic rule // *American political science review.* – Palo Alto, 2012. – Vol. 106. – P. 495–516.
- Hobolt S.B., Tilley J.* Who's in charge? How voters attribute responsibility in the European Union // *Comparative political studies.* – Thousand Oakes, 2013. – Vol. 47. – P. 795–819.
- Abney G., Hill L.* Natural disasters as a political variable: The effect of a hurricane on an urban election // *American Political Science Review.* – Cambridge, 1966. – Vol. 60, N 04. – P. 974–981.
- Jones E.E., Harris V.A.* The attribution of attitudes // *Journal of experimental social psychology.* – Amsterdam, 1967. – Vol. 3. – P. 1–24.
- Jones E.E., Nisbett, R.E.* The actor and the observer: Divergent perceptions of the causes of behavior // *Attribution: Perceiving the causes of behavior* / E.E. Jones, D.E. Kanouse, H.H. Kelley, R.E. Nisbett, S. Valins, B. Weiner (eds). – N.Y.: General learning press, 1972. – P. 79–94.
- Kelley H.H.* Attribution theory in social psychology // *Nebraska symposium on motivation.* – Lincoln: Univ. of Nebraska press, 1967. – P. 192–238.
- Kelley H.H.* The processes of causal attribution // *American psychologist.* – Washington, D.C., 1973. – Vol. 28. – P. 107–128.
- Key V.O.* The responsible electorate. – Cambridge: Harvard univ. press, 1966. – 158 p.
- Kuklinski J.H., West D.M.* Economic expectations and voting behavior in United States House and Senate elections // *American political science review.* – Palo Alto, 1981. – Vol. 75. – P. 436–447.
- Linz J.J.* The breakdown of democratic regimes: Crisis, Breakdown and reequilibration. – Baltimore: Johns Hopkins univ. press, 1978. – 144 p.
- Lyons J., Jaeger J.* Information, emotion, and the partisan presentations citizen: Paper delivered at the American Political Science Association annual meeting. – Washington D.C., 2014. – 21 p.
- Malesky E., Schuler P.* Nodding or needling: Analyzing delegate responsiveness in an authoritarian parliament // *American political science review.* – Palo Alto, 2010. – Vol. 104. – P. 1–21.
- Malhotra N., Kuo A.G.* Attributing blame: The Public's response to hurricane katrina // *Journal of politics.* – Chicago, 2008. – Vol. 70. – P. 120–135.
- Mansfield E., Snyder J.* Democratization and the danger of war // *International security.* – Boston, 1995. – Vol. 20. – P. 5–38.
- McAllister I., White S.* Democratization in Russia and the global financial crisis // *Journal of communist studies and transition politics.* – L., 2011. – Vol. 27. – P. 476–495.
- Miller D.T., Ross M.* Self-serving biases in the attribution of causality: Fact or fiction? // *Psychological bulletin.* – Washington, 1975. – Vol. 82. – P. 213–225.
- Mueller J.* Presidential popularity from Truman to Johnson // *American political science review.* – Palo Alto, 1970. – Vol. 64. – P. 18–34.
- Nemeth C., Swedlund M., Kanki B.* Patterning of a minority's responses and their influence on the majority // *European journal of social psychology.* – Malden, 1974. – Vol. 4. – P. 53–64.

- Nisbett R.E., Ross L.* Human inference: Strategies and shortcomings of social judgment. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1980. – 334 p.
- O'Donnell G.A.* Modernization and bureaucratic-authoritarianism. Studies in South American politics. – Berkeley: Univ. of California, 1973. – 219 p.
- Pepinsky T.B.* Economic crises and the breakdown of authoritarian regimes: Indonesia and Malaysia in comparative perspective. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2009. – 346 p.
- Pettigrew T.F.* The ultimate attribution error: Extending Allport's cognitive analysis of prejudice // Personality and social psychology bulletin. – Thousand Oaks, 1979. – Vol. 5. – P. 461–476.
- Powell G.B.* *Elections as instruments of democracy: Majoritarian and proportional visions.* – New Haven: Yale univ. press, 2000. – 312 p.
- Remmer K.L.* The political impact of economic crisis in Latin America in the 1980 s // American political science review. – Palo Alto, 1991. – Vol. 85. – P. 777–800.
- Reuter O.J., Robertson G.* Legislatures, cooptation and social protest in contemporary authoritarian regimes // Journal of politics. – Chicago, 2015. – Vol. 77. – P. 235–248.
- Rose R.* Micro-economic Responses to a Macro-economic Crisis: A Pan-European Perspective // Journal of Communist Studies and Transition Politics. – L., 2011. – Vol. 27, N 3–4. – P. 364–384.
- Rose R., Munro N., Mishler W.* Resigned acceptance of an incomplete democracy: Russia's political equilibrium // Post-Soviet affairs. – L., 2004. – Vol. 20. – P. 195–218.
- Ross L.* The intuitive psychologist and his shortcomings: Distortions in the attribution process // Advances in experimental social psychology. – Amsterdam, 1977. – Vol. 10. – P. 174–220.
- Ross L.* The intuitive psychologist and his shortcomings: Distortions in the attribution process // Advances in experimental social psychology 10 / L. Berkowitz (ed.). – N.Y.: Academic Press, 1977. – P. 173–220.
- Schedler A.* The Politics of uncertainty: Sustaining and subverting electoral authoritarianism. – Cambridge: Oxford univ. press, 2013. – 479 p.
- Shaver K.G.* The attribution of blame: Causality, responsibility, and blameworthiness. – N.Y.: Springer-Verlag, 1985. – 194 p.
- Shleifer A., Treisman D.* A normal country // Journal of economic perspectives. – Pittsburgh, PA, 2005. – Vol. 19. – P. 151–174.
- Shultz T.R., Schleifer M.* Towards a refinement of attribution concepts // Attribution theory and research / J. Jaspars, F. Fincham, M. Hewstone (eds). – N.Y.: Academic Press, 1983. – P. 37–62.
- Sigelman L., Conover P.* The Dynamics of presidential support during international conflict situations // Political behavior. – N.Y., 1981. – Vol. 3. – P. 303–318.
- Slovic P., Lichtenstein S.* Preference reversals: A broader perspective // American economic review. – Pittsburgh, PA, 1983. – Vol. 73 – P. 596–605.
- Taber Ch.S., Cann D., Kucsova S.* The Motivated processing of political arguments // Political behavior. – N.Y., 2009. – Vol. 31. – P. 137–155.
- Tanneberg D., Stefes C., Merkel W.* Hard times and regime failure: Autocratic responses to economic downturns // Contemporary politics. – L., 2013. – Vol. 19. – P. 115–29.

- Tilley J., Hobolt S.* Is the government to blame?: An experimental test of how partisanship shapes perceptions of performance and responsibility // *The journal of politics*. – Chicago, 2011. – Vol. 73. – P. 316–330.
- Treisman D.* Presidential popularity in a hybrid regime: Russia under Yeltsin and Putin // *American journal of political science*. – Palo Alto, 2011. – Vol. 55. – P. 590–609.
- Treisman D.* The politics of intergovernmental transfers in Post-Soviet Russia // *British journal of political science*. – Cambridge, 1996. – Vol. 26. – P. 299–335.
- Trial by Fire: A Natural Disaster's Impact on Support for the Authorities in Rural Russia / E. Lazarev, D. Sobolev, I. Soboleva, B. Sokolov* // *World politics*. – Princeton, NJ, 2014. – Vol. 66. – P. 641–668.
- Truex R.* Who believes the people's daily? Bias and Credibility in authoritarian media // Unpublished manuscript. – Princeton, NJ, 2016. – Mode of access: <https://static1.squarespace.com/static/5431e6ebe4b07582c93c48e3/t/56f899fd9063409744813459/1459132926647/Manuscript+File+-+Bias+and+Trust+in+Authoritarian+Media+v+3-16.pdf> (Дата посещения: 06.07.2016.)
- Zaller J.R.* The nature and origins of mass opinion. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1992. – 367 p.
- Zuckerman M.* Attribution of success and failure revisited or: The motivational bias is alive and well in attribution theory // *Journal of personality*. – Hoboken, NJ, 1979. – Vol. 47. – P. 245–287.